

Handwritten signature in purple ink.

Борис Васильевич Ракитский
Наука о социальной политике:
методология, теория, проблемы
российской практики. Том
I. Энциклопедические
статьи по проблемам
социальной политики

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24868479

*Наука о социальной политике: методология, теория, проблемы
российской практики. Том I. Энциклопедические статьи по проблемам
социальной политики: Институт перспектив и проблем страны;*

ПРОБЕЛ-2000; М.; 2017

ISBN 978-5-98604-600-6, 978-5-98604-601-3

Аннотация

Этот сборник включает в себя основные разработки по проблемам социальной политики, сделанные мною самостоятельно или в соавторстве. Кроме того, я не мог обойтись без нескольких статей Г.Я. Ракитской. Во вступительной статье дана претенциозная оценка сделанного как нового учения о

социальной политике. Мне уже 80. Я вправе заявить самооценку результатов своих усилий «по крупному счёту». *Б.В. Ракитский*

Содержание

Авторские пояснения	6
Вступительная статья	8
Вехи и обстоятельства становления	10
Высокая методология (целостно обществоведческий подход)	16
Предметная область	24
Факторы высокой практичности нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике	31
Том первый	39
I. Социальная политика: обобщающая статья и ключевые понятия	40
Социальная политика	40
Положение социальное	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Борис Васильевич
Ракитский
Наука о социальной
политике: методология,
теория, проблемы
российской практики. Том
I. Энциклопедические
статьи по проблемам
социальной политики**

© Ракитский Б.В., текст, 2017

© Институт перспектив и проблем страны, 2017

© ПРОБЕЛ-2000, 2017

Авторские пояснения

Этот сборник включает в себя основные разработки по проблемам социальной политики, сделанные мною самостоятельно или в соавторстве. Кроме того, я не мог обойтись без нескольких статей Г.Я. Ракитской. Во вступительной статье дана претенциозная оценка сделанного как нового учения о социальной политике. Мне уже 80. Я вправе заявить самооценку результатов своих усилий «по крупному счёту».

Сборник построен следующим образом. Первый том включает энциклопедические статьи. Они сгруппированы не по алфавиту и не по времени написания, а с ориентацией на логику самого предмета – социальной политики. Первая статья – «Социальная политика» – носит обобщающий характер, остальные конкретизируют проблематику.

Второй том включает остальные публикации и законченные рукописи в хронологическом порядке.

Повторы убраны, но не все. Некоторые оставлены в интересах лучшего понимания читателем.

Моё авторство указывается (в сносках) лишь в случаях, когда есть соавторы.

После каждой статьи читатель найдёт сведения о том, когда и где она публиковалась и когда написана. Но имеется и справочное издание «Ракитский Борис Васильевич. Список основных научных трудов и публикаций» (периодиче-

ское издание «Перспективы и проблемы России» Выпуск 46.
М. 2014.

Буду признателен каждому, кто прочтёт сборник. Ещё более буду признателен, если получу отклик. Мой адрес для писем по почте: 119361 Россия, Москва, улица Озёрная, дом 25, кв. 287.

Для электронных писем – brakitskiy@yandex.ru

Вступительная статья

Новое учение о социально- трудовых отношениях и о социальной политике¹

В 1980-х годах начало складываться, а в 1990-е годы в основном сформировалось новое учение о социально-трудовых отношениях и о социальной политике. Сформировалось оно в СССР и в новой России. За рубежами (во всяком случае, на Западе) аналогов этому учению пока нет.

Основными и решающими исследователями и теоретиками нового учения оказались Галина Яковлевна Ракитская и я. Многого делалось и сделано вместе (совместно). Но у Галины Яковлевны лидерство и более весомый вклад в исследовании социально-трудовых отношений, а у меня, пожалуй, – в исследовании и выстраивании теорий социальной политики и социального хозяйства.

Считаю полезным и уместным очертить новое учение с нескольких важных сторон:

– со стороны последовательного применения целостного

¹ Эта статья писалась мною как вступительная к третьему и четвёртому томам «Основных трудов» Г.Я.Ракитской. Но она вполне подходит и для данного издания (Б.В.Р.).

обществоведческого подхода (так называемой высокой методологии);

– со стороны нового (и последовательно научного) обоснования предметной области;

– со стороны качественно более высокой практичности учения.

Но прежде обозначу основные вехи и обстоятельства становления нового учения.

Вехи и обстоятельства становления

В начале 1979 я перешёл на работу в НИИтруда Госкомтруда СССР. В мои должностные обязанности входило курирование нескольких научных отделов, в том числе отделов заработной платы, трудовых ресурсов, общих проблем труда. С самого начала пришлось полностью впрячься в подготовку крупного научного доклада об изменениях в характере и содержании труда. Доклад предназначался для высокого собрания по линии Совета Экономической взаимопомощи (СЭВ)². Через год (в 1980) я подготовил постановочную программу перспективных научных исследований проблем труда³.

Примерно в это же время Галина Яковлевна завершила свой блистательный труд по социально-экономической эффективности научно-технического прогресса и советовалась со мной относительно тематики будущих исследований. Я порекомендовал заняться проблематикой труда. Она занялась, при этом очень охотно делилась замыслами и наработками, мы многое обсуждали и этим как бы «ускоряли» друг друга на попроще социально-трудовых исследований.

² Доклад «Изменения в характере, содержании и условиях труда в связи с научно-техническим прогрессом» – М.: 1980. 39 с.

³ Б.В.Ракитский. Обоснование важнейших направлений исследования общих проблем труда. – М.: 1980. 44 с.

Вскоре стали выходить публикации Г.Я.Ракитской уже по социально-трудовой проблематике, а в 1986 появилась объёмная публикация фундаментального характера⁴. В ней были представлены результаты исследования нескольких ключевых аспектов:

- научная разработка категории «социально-трудовые отношения»;
- структура социально-трудовых отношений;
- стратегические цели преобразований трудовой жизнедеятельности;
- проблематика отношения людей к труду.

В других публикациях в то же время нашли отражение исследования взаимоотношений личности и трудового коллектива.

Немаловажным было разграничение социалистических и тоталитарных характеристик социально-трудовых процессов и отношений.

Работа приостановилась на несколько лет в связи с перестройкой и четвёртой русской революцией. В пишущую машинку была заправлена, как сейчас помню, 112-я страница «беловика» докторской диссертации, когда Галина Яковлевна заявила мне как о решённом деле:

– Знаешь, я пошла в движение. Не до монографий сейчас. Начинается очень серьёзное время.

⁴ Г.Я.Ракитская. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. – М.: ВНИИСИ. 1986. 61 с.

Был март 1987.

К систематическим научным исследованиям социально-трудовой проблематики Г.Я.Ракитская вернулась году в 1995. Но до этого социально-трудовые проблемы органично присутствовали в публикациях и документах более широкого общественного характера. По сути, с 1987 мы участвовали в разработке рабочей (классовой) политики в антитоталитарной и антиимперской революции и в практическом развитии демократического рабочего (и профсоюзного) движения.

«Большим контекстом» наших научных и практически-движенческих разработок 1988–1994 гг. стала проблематика исторического выбора Россией своего будущего. Мы, разумеется, работали на вариант выхода нашей страны и нашего народа из тоталитаризма в социализм. Этому были посвящены теоретические работы о социализме и о критериях социалистичности, о деформациях и перерождениях общества, о стратегии и тактике перестройки, о её понимании как социальной революции, о закономерностях переходного периода, о движущих силах общественного развития вообще и революции – в частности. Основным же предметом в этом «большом контексте» были классовые интересы и проблемы трудящихся и эксплуатируемых. Название одной из работ Галины Яковлевны точно схватывает этот предмет – «Место трудящихся в будущей России». Другое точное обозначение того же самого предмета – название моей работы

«Принципы рабочей политики».

История России двинулась, как известно, от тоталитаризма к капитализму, притом самой скверной дорогой – через бандитский капитализм, через периферийно-зависимый капитализм, через утрату завоеваний четвёртой русской революции «не доходя» до жизнеспособного нового общественного устройства. В новой исторической полосе задачи у нас оставались те же, что и в период революции, – идейно обслуживать рабочее движение. При этом сверхважно подчеркнуть — *демократическое рабочее движение*. Организациями, на которые мы серьёзно опирались, были Комитет содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся (создан в июне 1990), Институт перспектив и проблем страны (создан в конце 1991), Школа трудовой демократии (создана в 1994).

В процессе такой научной и общественной деятельности, направленной классово-политически, совершенно логично возникали проблемы социального положения трудящихся; социальной справедливости не в абстрактной, а в конкретно-исторической её постановке; обоснования стратегических и тактических требований рабочего и профсоюзного движения; наращивания субъектности (самостоятельности и влияния) профсоюзов и общественных движений трудящихся. И всё это – не в «книжном» теоретическом преломлении, не в «нейтральной» обстановке, а при реальных столкновениях с интересами и действиями иных обще-

ственных классов. Наряду с проблемами собственной классовой идеологии возникали и остро стояли проблемы собственной социальной политики трудящихся и эксплуатируемых классов.

В 1992–1993 я работал директором Института проблем занятости РАН и Минтруда России. В разгар «шоковой терапии» имел возможность от лица института атаковать Министерство труда и занятости населения РФ и обличать проводимую им и правительством социальную политику экономического геноцида населения. Этой возможностью пользовался сполна.

Когда в 1993 г. формировался Совет по социальной политике при Президенте РФ, мне было поручено научное руководство разработкой проекта Президентской программы «Стратегия и приоритеты социальной политики». Уже в 1994 в качестве предпрограммной разработки мною была подготовлена «Концепция социальной политики» Эта работа сильно продвинула становление теоретических основ социальной политики, включая её сущность, стратегию и приоритеты. К сожалению, было ещё слишком мало кадров, способных полноценно включиться в работу такого масштаба. А в 1995 дело остановилось по причине свертывания Совета по социальной политике при Президенте РФ.

В 1996 по заказу Минтруда России я выполнил фундаментальное исследование «Концепция социальной защиты для современной России».

Был и ещё один «поворот судьбы», способствовавший серьёзному продвижению в создании нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике. В 2000 профессор Н.А.Волгин получил кафедру социальной политики а Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Он пригласил меня перейти на эту кафедру. Состоялся следующий разговор:

– Спасибо, Николай Алексеевич! Я бы перешёл, если бы Вы поставили задачу сделать кафедру российским (а значит – и мировым) лидером в науке о социальной политике.

– Да-да! Такую задачу и поставим!

Увы! Ни постановка, ни решение этой задачи усилиями кафедры не состоялись. Но мы с Галиной Яковлевной трудились именно в ключе лидерства, далеко не всегда совпадая в постановках и в разработках с руководством кафедрой. Но сделать дело в целом нам удалось. Наука о социальной политике сложилась. Галина Яковлевна завершила к 2003 фундаментальное исследование социально-трудовых отношений⁵. Чтобы охват проблематики социальной политики был достаточно полным, мне пришлось «попутно» разработать теорию социального хозяйства (отторгнутую, кстати сказать, кафедрой, на которой мы работали).

⁵ Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.

Высокая методология (целостно обществоведческий подход)

Принципиальная новизна нашего учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом обеспечена новым методологическим подходом, новым видением сущности социально-трудовых и социально-политических процессов. Я говорю «новым подходом», «новым видением», но обязан подчеркнуть, что этот подход провозглашён и очерчен ещё в 19 веке. Это диалектический метод и это диалектико-материалистическое понимание движения общества.

Диалектический подход (в отличие от любых метафизических) ухватывает закономерности движения целостностей, в которых причины и следствия способны меняться и реально меняются местами. Реальное бытие целостно и потому адекватно может быть понято и описано только диалектическим мышлением (знанием).

Материалистическое понимание истории ухватывает способность общества двигаться самостоятельно, то есть быть целостностью, не нуждаться во внешних для себя причинах и предназначениях. Бытие человечества есть целостность, его реальное движение (его история) может быть адекватно понято и описано только диалектико-материалистическим мышлением (знанием).

Таковы философские высоты 19 века. Применение диалектико-материалистического мировоззрения в исследованиях реальных процессов бытия человечества и реальных общественных процессов порождает высокую методологию – историко-материалистический, или целостный подход. Не очень точно, но в определённых пределах допустимо называть этот подход целостно обществоведческим. Г.Я.Ракитская и я неоднократно разъясняли существо этого подхода как ценнейшего мировоззренческого и методологического наследия⁶.

Проще, но по существу говоря, великие философы 19 века (больше всего И.Кант, Г.В.Ф.Гегель, К.Маркс, Ф. Энгельс) прорвались к пониманию того, что мерой истинно-

⁶ Впервые суть и содержание этого подхода развёрнуто изложены в монографии Г.Я.Ракитской «Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)». – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с. Позже мы не раз возвращались к тематике целостного подхода: См. Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Актуальность высокой методологии для исследований и практического осуществления социальной политики. – Периодическое издание "Перспективы и проблемы России". Выпуск 30. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 43 с; Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике. – Периодическое издание "Обществознание большинства". Выпуск 6. (ИУТЭ) Ноябрь 2009. С. 3–43; Б.В.Ракитский. О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. 94 с; Б.В.Ракитский. Фундаментальные методологические подходы к выработке целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человеке как форме бытия). – Периодическое издание "Обществознание большинства". Выпуск 13. – М.: ИУТЭ. Август 2015. С. 46–67.

сти (достоверности) знания является его соответствие реальному бытию. То есть к пониманию того, что философские представления и теоретические (научные) выводы о сущностных и содержательных связях и характеристиках процессов и явлений могут и должны быть по возможности точным и полным отражением реальных закономерностей и реальных атрибутов (свойств) бытия. В этом смысле основные закономерности реального бытия и основные закономерности истины как процесса познания – одни и те же закономерности. Да и сам процесс познания – практический процесс, а познания – часть реальности (бытия).

Вот от этих рубежных философских высот мы и пытались не отступать ни на шаг. Из-за этого и пришлось кардинально пересмотреть прежние представления и о социальной политике в целом, и о социально-трудовых отношениях.

Можно провозглашать истинность исторического материализма как метода или присягать ему, но не справляться с его применением в научных исследованиях. Яркий и трагичный пример этого – экономическое учение К.Маркса, изложенное в его «Капитале». Метод «Капитала», к большому сожалению, – это не диалектический метод исторического материализма, а метод экономического материализма (экономического детерминизма), то есть метафизический метод. Как только К.Маркс стал исходить из представлений о базисе и надстройке, об экономике как об абсолютной причине всего общественного движения, так сразу целостный (истори-

ко-материалистический) подход стал ему недоступен. Учения о капиталистической формации в целом у него не получилось. Получилось нечто вроде «Экономикс» с «экономическим человеком» и с «персонифицированным капиталом» в главных ролях.

В современных науках об обществе отсутствуют реальные целостные люди, реальные целостные социальные типы, реальные общности и социальные группы, отсутствует реальное бытие человечества. Вместо них фигурируют «экономические люди», «военные люди», «человеческие капиталы», «человеческие факторы», «демографические факторы» и прочие обломки различных целостных реалий. Из феноменов это сорта широко известна, например, введённая К. Марксом категория «товар рабочая сила». Использование наукой подобных «обломков целостного» сильно искажает знания в сравнении с реальностью.

Каким образом возникают эти «обломки», искажающие представления о реальном мире? Чаще всего они возникают оттого, что исследователь, сосредоточиваясь на предмете своего исследовательского интереса, упускает из виду существенную связанность предмета своего исследования с другими реалиями. Этим он как бы *вырывает* изучаемый предмет из той реальности, в которой тот существует. Изучаемое перестаёт для исследователя быть органической составной частью реальной целостности. К примеру, К.Маркс рассматривает наём работника капиталистическим предприни-

мателем. Процесс найма кажется предпринимателю и работнику похожим на куплю-продажу. И К.Маркс считает наём куплей-продажей. Остаётся только определить, какой именно товар покупается-продаётся. Работник и предприниматель думают, что покупается и продаётся труд. К.Маркс доказывает, что не сам труд, а лишь способность к труду, то есть рабочая сила. Отсюда понятие «товар рабочая сила». Это, возможно, было бы научным достижением, если бы наём действительно был куплей-продажей. Но он лишь внешне похож на куплю-продажу, его реальная природа вовсе не рыночная, не обменная. А потому категория «товар рабочая сила» – не научное достижение, а сугубое заблуждение.

Легко объяснить, в чём при рассмотрении найма ошибся К.Маркс. Рабочая сила – всего лишь свойство человека, нанявшегося быть работником. Что происходит со «всем человеком», когда он будто бы «продал рабочую силу»? Может ли наниматель обращаться с ним так же, как с другими купленными ресурсами для производства? Предприниматель полагает, что именно так и надо обращаться. А общество и сами работники (да и предпринимательство как класс) шаг за шагом осознают, что нельзя. И рядом с гражданским правом (регулирующим отношения по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом) вырастают трудовое право и рабочее и профсоюзное движение. При этом – вот это отметьте особенно! – трудовое право регулирует вовсе не отношения по поводу владения, пользова-

ния и распоряжения рабочей силой, а отношения по поводу включения человека в общественно-организованную практическую деятельность и по поводу его положения в этой деятельности. Рассматривая процесс найма, К.Маркс упустил из виду многие существенные аспекты положения человека в обществе. Стоит ли при этом удивляться, что при объяснении, природы заработной платы К.Марксу не потребовался аспект классовой борьбы и всё свелось к тощей формуле: «заработная плата – превращенная форма стоимости и цены товара рабочая сила»? Это был большой шаг назад в сравнении со Смитовым анализом природы заработной платы.

М.И.Туган-Барановский предпринял попытку отойти от Марксовой трактовки заработной платы. Социальная теория заработной платы делает честь этому выдающемуся учёному.

Но в целом рассмотрение социально-трудовых проблем до конца XX века оставалось в пространстве нецелостного подхода. И не только рассмотрение социально-трудовых проблем, но всей социально-политической проблематики. Первым и последним, кто рассматривал положение общественного класса целостно, был Фридрих Энгельс⁷. Увы, его подход по ряду причин со временем оказался утраченным.

⁷ Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам (1844–1845). – К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд. Второе. М.: Госполитиздат. 1955.

Когда я говорю о новом учении о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом, я имею в виду совокупность методологических, теоретических и прикладных научных разработок, осуществлённых с позиций целостного подхода. Того самого, который обосновала философская мысль 19 века, но который до сих пор не был применён в исследованиях социально-трудовых и социально-политических процессов и отношений.

Основными линиями (аспектами) обновления (и в этом смысле новациями) стали следующие:

1. Все трудовые и все социальные процессы рассматриваются не иначе, как неотрывно от целостного общественно-го контекста, а если говорить совсем точно – в актуальном целостном контексте. Ближайшим общим следствием такого рассмотрения становится трактовка трудовых процессов и отношений как социально-трудовых, а социальных процессов и отношений – как социально-политических. Перемена кардинальная. Вместо рассмотрения предмета в одном измерении появляется рассмотрение предмета в нескольких измерениях, а точнее – во всех актуальных (практически значимых) измерениях.

2. Все обществоведческие «истины», страдающие изъяном одномерности, девальвируются и становятся «бывшими истинами», догмами, вытесняются из научного оборота. Не методами «заклеймить», «запретить», «осла вить», а путём выработки содержательных новых истин (концептов,

концепций, понятий, категорий, учений). Жизнеспособное новое знание вытесняет устаревшее, догматическое, как и всегда бывало прежде.

В свете новых подходов «человек экономический» выглядит не просто как недомыслие, а как плод намеренного калечения, как нечто антигуманное. И, конечно же, вспоминается о классовых корнях заблуждений, а партийность «Economics» бросается в глаза.

3. Целостный подход несовместим с такой познавательной «новацией», как междисциплинарный подход. Между ними не меньшая пропасть, чем между живописью и раскрашиванием картинок или игрой в кубики. Складывание (приращивание) фрагментарных знаний заведомо не может дать знания целостного, так как целое нетождественно полному набору фрагментов. Междисциплинарный подход – это модернизированная метафизика, тогда как целостный – имманентно диалектический.

Предметная область

Предмет исследования – это целенаправленно познаваемое. Для наук об обществе и о человеке в обществе несомненным предметом являются сущность (закономерности и тенденции), содержание (структура, устройство) и формы движения бытия человечества, включая и общественные формы.

Нам с Г.Я.Ракитской, конечно, со студенческой скамьи были известны напевы о том, что, например, предмет политической экономии – не сами экономические процессы, не само общественное производство, а лишь общественная форма этих процессов, то есть отношения по поводу общественного производства, сиречь производственные отношения. В нашей исследовательской деятельности подобные интеллектуальные построения, мне кажется, негодились. Мы изучали и сами процессы, и взаимоотношения участников этих процессов как единое целое и именно так представляли себе предмет своих исследований.

Наезженная мыслительная колея, в которой и мы начинали свой научный путь, состояла в рассмотрении труда и благосостояния (уровня жизни) как феноменов экономических. Конечно же, явно неэкономические, но в то же время явно сущностные характеристики (свойства, атрибуты) и труда, и жизнеобеспечения буквально «бросались в глаза», но на это

глаза традиционно закрывались. Поэтому когда я в 1970-е годы стал поднимать вопросы образа жизни, к этому относились как к пропагандистской, а не как к научной работе⁸. Чуть позже, когда рост реальных доходов в СССР критически замедлился, власти стали поощрять рассуждения об образе жизни, но в основном как о своего рода компенсации низких темпов роста и низкого уровня жизни населения. Тогда же пришли к нам невразумительные западные рассуждения о качестве жизни.

Из упомянутой наезженной мыслительной колеи мы выбирались и выбрались не методом прибавления (присоединения) некоторых социальных атрибутов-довесков к сугубо экономическим трактовкам, а радикально – благодаря принципиально иному видению процессов труда и жизнеобеспечения и их места в общественном движении. Это принципиально иное видение я постарался толково очертить гораздо позже⁹. Но пользовались мы этим принципиально новым видением с самого начала, преобразуя его в принципиально

⁸ Ракитский Б.В. Экономические основы советского образа жизни. – Киев. 1975. 24 с; Ракитский Б.В. Основы советского образа жизни (на грузинском языке) – Тбилиси. 1976. 30 с; Ракитский Б.В. Образ жизни: рубежи 1985 года. – М.: Изд. политической литературы. 1981. 94 с.

⁹ Ракитский Б.В. О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. 94 с; Ракитский Б.В. Фундаментальные методологические подходы к выработке целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человечестве как форме бытия). – Периодическое издание "Обществознание большинства". Выпуск 13. – М.: ИУТЭ. Август 2015. С. 46–67.

новую методологию и закрепляя как новую методологию в процессе теоретических и практических исследований. На основании своего научного опыта можем удостоверить, что методология, теория и процесс познания – неразрывная целостность; ничто в этой целостности не появляется раньше другого. То есть методология и теория возникают, апробируются и закрепляются в процессе познания.

В чём существо того принципиально нового видения процессов труда и жизнеобеспечения, благодаря которому нам удалось выбраться из наезженной мыслительной колеи и преодолеть сугубо экономические трактовки трудовых отношений и благосостояния? Оборачиваясь назад и обобщая траекторию движения нашей мысли, можно сказать, что мы с Г.Я.Ракитской отошли от фундаментальных положений Марксова учения о базисе и надстройке и о производственных отношениях.

У К.Маркса момент объективности базиса (производственных отношений) трактуется в экономико-материалистическом (экономико-детерминистском) ключе. В силу этого аспекты субъектного действия остаются далеко в стороне при уяснении объективных закономерностей общественного движения. Не то, чтобы К.Маркс отрицал какую-либо причастность субъектных действий к объективным закономерностям, а просто в учении о производственных отношениях как о реальном базисе ему субъектные действия не понадобились. К.Марксу в 1859 и позже не понадобился тот подход,

который он очертил в 1843–1844: «... Материальная сила может быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹⁰. Мы же отнеслись к этому подходу как к фундаментально ценному и при объяснении любых общественных, в том числе и экономических процессов стали учитывать субъектные действия как реальный фактор, а в случаях субъектных действий масс (социальных групп, общностей, классов, каст и т. п.) – как объективный фактор, как «материальную силу» (в терминологии К.Маркса).

Предметная область исследований труда и жизнеобеспечения благодаря этому преобразилась кардинально. Взамен прежних понятий появились принципиально новые. Взамен трудовых отношений предметом исследования стали социально-трудовые отношения, взамен проблем уровня жизни – проблемы социальной политики. Тут следует подчеркнуть существеннейшую тонкость: речь не о дополнении рассмотрения труда или жизнеобеспечения социальными аспектами (например, аспектами социальных последствий), а о рассмотрении труда и жизнеобеспечения не иначе, как в ракурсе субъектных действий. На первый план вышли такие свойства труда и жизнеобеспечения, как взаимоотношения социальных сил в этих процессах (по поводу этих процессов. Отсюда совершенно иное содержательное наполнение категории «социально-трудовые отношения» (в сравнении с тра-

¹⁰ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Том 1. Стр. 422.

диционной категорией «трудовые отношения»). Отсюда же появление совершенно новой научной категории «социальная политика», практически имеющей мало общего с традиционной трактовкой социальной политики как мероприятий государства в области повышения благосостояния (в тоталитарной терминологии – как «заботы партии и правительства о благе народа»).

Выработанные нами новые ключевые категории определены так:

«СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ – отношения между участниками общественной практики (преобразовательной деятельности) по поводу ее целевой направленности, условий и способов осуществления, по поводу получения и предназначения результата труда, распоряжения результатом труда.

Термин "социально-трудовые отношения" (в отличие от термина "трудовые отношения") вошел в отечественную научную литературу сравнительно недавно, в начале 1980-х годов. Его смысловая нагрузка – подчеркнуть, что преобразовательная деятельность всегда осуществляется в определенной социальной (общественной) форме и это выдвигает на первый план **проблему социального положения** (положения в обществе) субъектов этой деятельности, а не проблему рационального использования людей как трудовых ресурсов, как факторов производства»¹¹.

¹¹ «Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа» www.shkolatd.ru

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА – универсальная, внутренне присущая обществу форма самовоспроизведения (развития) общественной структуры; субъектные взаимодействия (взаимоотношения) классов, социальных групп, общностей, других устойчивых элементов общественной структуры по поводу сохранения и изменения их социального положения.

...Социально-политические отношения существуют в обществе не обособленно, а **как общественная форма** всех без исключения хозяйственных, культурных, потребительских процессов. Социальная политика привносит в эти процессы их связанность с разнообразием интересов классов, социальных групп, общностей. К примеру, увязанность экономических процессов с интересами делает их политико-экономическими процессами. В некоторых отраслях хозяйства и сферах отношений влияние (роль, значение) социально-политических отношений особенно существенно и даже является фактором, задающим их качественную определённость. Таковы комплекс отраслей социального хозяйства и социально-трудовая сфера. (*См. Социальное хозяйство; Социально-трудовые отношения*).¹²

В увязке с ключевыми понятиями (категориями) возник довольно развитый новый (или содержательно обновлённый) категориальный аппарат. В его составе такие научно разработанные понятия, как «социальное положение (классов,

¹² Там же.

социальных групп, общностей)»; «социальные состояния», «социальное хозяйство», «отношение к труду», «стратегическая направленность», «социальная направленность», «типы трудовых судеб», «вопрос социальный», «движения социальные», «субъекты социальной политики первичные», «субъекты-представители (социальные институты)», «защищённость социальная», «риски социального происхождения (социальные риски)», «интересы социально-групповые (классовые)», «нормальное», «общность социальная», «стратегия и приоритеты социальной политики», «силы социальные», «социальные типы работников» и другие.

Всё это вместе и означает, что возникло новое учение со своей более развитой предметной областью и со своим новым, более полным и глубоким содержанием.

Факторы высокой практичности нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике

Высокая практичность нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом коренится в самой природе научного знания. Познание есть сторона практики, внутренне присущий (имманентный) практический процесс. Познание ведётся для практики, ради практики; структура практической деятельности непременно включает в себя познавательную деятельность, неполна и неэффективна без неё. Именно поэтому если возникает новое учение о каких-либо явлениях или процессах, мы вправе ожидать и требовать от него большей практичности, большей практической отдачи.

Новому учению о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом, как уже отмечалось, свойствен целостный подход. Благодаря этому познаваемая реальность отображается в большем числе актуальных измерений (аспектов), нежели при нецелостных (метафизических) подходах. Даже самый развитой междисциплинарный подход заведомо уступает целостному, ибо он как бы конструирует целое из фрагментов, как бы «оснащает» предмет познания всё новыми и новыми связями с иными реалиями, но ему

неоткуда почерпнуть несубъективный критерий актуальности или неактуальности этих связей. При целостном подходе предмет познания находится всегда в контексте целого, так что все связи предмета познания «всегда наготове», но практическая направленность познания выделяет в целостном контексте актуальный целостный контекст¹³.

Новое учение о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом обладает высокой практичностью ещё и потому, что целостный подход обеспечивает ему непременно воспроизводимый конкретно-исторический характер знания.

И, наконец, целостный подход обеспечивает знаниям особую конкретность.

«Как изучает свой предмет любая из методологий, не являющаяся целостнообществоведческой? Она как бы останавливает объект, расчленяет его, отделяя ту часть, которую будет изучать под своим предметным ракурсом. Она, стало быть, препарирует объект для изучения, упрощает объект, делает его частичным, неполным. Это неизбежное следствие глубокой специализации общественных наук. Их предметы частичны, очень специализированы. Ситуация такая, как в медицине, где врачи специализируются на конкретных болезнях отдельных органов, но никто не занят здоровьем ор-

¹³ Более развёрнуто об этом см. в публикации Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике» – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2010. Раздел «Целостнообществоведческий подход (метод)»

ганизма в целом. В общественных науках такое предметное дробление сильно отдаляет изучаемую часть объекта от реальной практики, от живой взаимосвязи в рамках практического целого. Отсюда их специфическая проблема – обрести практическую ценность, по возможности вернуть или компенсировать потерянную целостность. Решается эта проблема в последние десятилетия практически "на ощупь": с помощью междисциплинарного подхода, многофункционального анализа, а там, где объект устроен попроще, нежели общество, – с помощью системного подхода, синэргетического подхода и т. п.

Словом, все методологии (кроме целостнообществоведческой) культивируют исследовательские подходы по схеме *"утратить, а потом вернуть или компенсировать"*, добыть сперва упрощённое знание, отражающее усечённый объект, часть объекта с "обрубленной частью связей", а затем складывать из добытого частичного знания более ёмкое, более или менее приближающееся к полному.

Целостнообществоведческий подход основан на совершенно иных принципах. Прежде всего, основоположники исторического материализма исходили из настоящей потребности восстановить целостность обществоведения. Это не означало нигилистического отношения к узко предметным общественным наукам, а означало актуализацию целостного знания об обществе. Такой, к примеру, великий труд, как "Положение рабочего класса в Англии" Ф.Энгель-

са, разве укладывается он в конкретные социологические исследования? Конечно, не укладывается. Поэтому-то Ф.Энгельс – основатель грядущей социологии, какой теперь всё ещё нет.

Знание, добытое с помощью целостнообществоведческого подхода, сохраняет в себе отражение связи предмета с актуальным целостным контекстом. Это изначально придаёт ему высокую меру практической пригодности. Этот вывод можно выразить и по-другому: *сущностное знание, полученное на основе целостнообществоведческого метода, обладает свойствами особой конкретности*. Конкретность в нём как бы архивирована (свёрнута) и легко и эффективно разворачивается. Это можно обозначать (трактовать) терминами "жизненность", "практичность". То есть это та самая хорошая теория, практичней которой, по выражению Л.Больцмана, нет ничего. Да и то сказать: все мы по привычке к странному представлению о конкретном как о детальном описании устройства. А ведь конкретное-то – это *единство* многообразного, *целостная* полнота связей и отношений. Конкретное содержательно разнообразием единого, но не суммированного, а целостного»¹⁴.

За годы научных исследований и одновременно пропаганды собственной идеологии демократического рабочего дви-

¹⁴ Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике» – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2010. Стр. 23–25.

жения нам приходилось не раз убеждаться в высокой практическойности нового учения о социально-трудовых отношениях и о социальной политике в целом.

Во-первых, в общении с коллегами-учёными не раз выяснялось, что они испытывают трудности, связанные с отсутствием научных категорий, ухватывающих тот или иной важный аспект, казалось бы, давно описанных процессов или явлений. У нас такие обоснованные понятия обычно уже были, мы ими охотно делились и получали «спасибо» от коллег. Запомнились такие ситуации с понятиями «социальные состояния», «социальные общности», «претендентские (абитуриентские) социальные группы», «ситуативные социальные общности» (применительно к бюджетникам, «стратегии социальной политики»).

Во-вторых, будучи вооружены новым учением, мы нередко оказывались практически полезными и понятными активным рабочим и их организациям. Не случайно мы активно привлекались для подготовки программ и уставов движений и организаций трудящихся, для консультаций по выработке требований при забастовках и однажды даже для репетиции забастовки. Проиллюстрирую практичность наших подходов самым простым реальным примером.

В марте 2010 мы с Г.Я.Ракитской проводили профсоюзную учёбу в Североуральске с горняками знаменитой «Красной шапочки». Выяснилось, что их давно мучает совершенно практический вопрос, который они поставили и перед на-

ми:

– Мы собираемся потребовать у работодателя существенной прибавки к зарплате. Но не знаем, как это требование обосновать. В Трудовом кодексе опереться не на что. Пробовали рассчитывать. Брали себестоимость продукции и перечень затрат. Тоже ничего убедительного не наработали. Может, Вы нам посоветуете, как обосновывать?

– Дорогие мои! – говорит Галина Яковлевна. – Так можно обосновывать только требования вернуть отнятое. Ну, например, зарплата работников со страховыми платежами (без зарплаты начальства) составляла три года назад, допустим, 60 % от цены (цены, а не себестоимости) тонны бокситов...

– Да, мы знаем цену нашей продукции на мировых биржах!

– Ну вот! Было скажем, 60 % от мировой цены, а через три года доля заработка работников (без доходов начальства) в цене упала до 48 %. При этом ни техника, ни технология, ни организация добычи не изменились. Тут расчёты могут быть убедительным обоснованием. Требуйте довести долю заработка до 60 % в цене продукции, поднять с 48 % до 60 %, то есть увеличить зарплату на 25 % ($(60\% - 48\%): 48\% \times 100 = 25\%$). Понятно?

– Понятно вроде. Здорово!

– Но у вас-то, наверное, не этот случай. У вас, предположим, соотношение заработка работников к цене как было, так и осталось на уровне 60 %. А вы хотите повышения.

– Да! Вот у нас так. Чем обосновать? И можно ли вообще обосновать?

– Можно. Надо просто заявить работодателю, что требуем повышения заработка, к примеру, на 15 %.

– ???

– Что вы так удивляетесь?

– Так работодатель скажет, что себестоимость вырастет и продукция станет неконкурентоспособной... Шахта обанкротится...

– А вы урезоньте работодателя. Напомните ему, что продукция продаётся не по себестоимости, а по цене. Цена останется прежней, шахта не обанкротится. А вот доля заработка (со страховыми платежами) в цене вырастет с 60 % до 69 %. Соответственно, доля прибыли в цене сократится, допустим, с 32 % до 23 %. Только и всего.

– Так он же потребует обосновать, с какой стати зарплата должна вырасти, а прибыль сократиться!

– Вот! А отсюда начинается то, что требует другого взгляда на вещи, на место трудящихся в обществе и в производстве. Вы, рабочие, – не товар рабочая сила, а люди с потребностями и интересами. Вы – самостоятельные субъекты социально-трудовых отношений и социальной политики. И в этом качестве предъявляете требования и готовы настаивать на них. Если, конечно, действительно готовы. Такие, как у вас, вопросы решают не закон стоимости и не трудовые кодексы, а соотношение классовых сил.

– Что же получается? Всё наше обоснование сводится к «мы хотим»?

– Не совсем так. На «хотим» ваш работодатель ответит «Хотеть не запрещено, но на хотенье есть терпенье». Поэтому так: хотим и требуем, и будем настаивать на своих требованиях. Вплоть до забастовки. Да ещё постараемся подключить классовую солидарность других горняков!

– Хм! А ведь такое обоснование нам подходит. Обоснование прямо вытекало из нашего нового учения. Я помню, как многообещающе прозвучало для нас тогда это рабочее «нам подходит».

Том первый

Энциклопедические статьи по проблемам социальной политики

Все статьи данного раздела написаны в период с 2001 по 2016 и включены в «Энциклопедию трудящегося и эксплуатируемого народа» (далее ЭТЭН). и размещены в ЭТЭН на сайте <www.shkolatd.ru>

I. Социальная политика: обобщающая статья и ключевые понятия

Социальная политика

Содержание:

1. Определение социальной политики.

2. Субъекты социальной политики.

3. Абрис содержания социальной политики.

4. Особенности государства как субъекта социальной политики.

5. Соотношение социальной политики и государственной социальной политики

6. Социальное целеполагание и целенаправленность социальной политики.

7. Типы и тенденции социального развития.

8. Функции (основные задачи и дела) социальной политики.

9. Основные сферы осуществления социальной политики.

Литература.

Определение социальной политики

Социальная политика – универсальная, внутренне присущая обществу форма самовоспроизведения (развития) общественной структуры; субъектные взаимодействия (взаимоотношения) классов, социальных групп, общностей, других устойчивых элементов общественной структуры по поводу сохранения и изменения их социального положения, (см. *Политика; Структура социальная; Положение социальное; Классы, Касты; Общность социальная*).

Наряду с научно строгим определением социальной политики, подчёркивающим её сущность, широко распространены поверхностные представления о социальной политике, ограничивающиеся её отдельными содержательными характеристиками, а зачастую и поверхностными формами. Например, часто социальную политику сводят к совокупности мер или мероприятий, направленных на обеспечение тех или иных параметров социального положения. Нередко социальную политику ограничивают деятельностью государства (а то и аппарата органов государственной власти), забывая о деятельности иных субъектов общества. Или выпячивают лишь некоторые параметры социального положения (например, уровень жизни или занятость). Все подобные недостаточно глубокие и не целостные представления о социальной политике, затрудняют восприятие её существа и пробле-

матики во всей полноте и на уровне общественных закономерностей, а не только на уровне поверхностных проявлений или выхватывания из целостного контекста отдельных свойств и сфер.

Заблуждением или сознательной демагогией являются утверждения, будто общество или государство на том или ином этапе вообще не имеют и не проводят социальной политики. Исчезновение или изъятие социальной политики из жизни общества и деятельности государства невозможно в принципе, по самому определению социальной политики как взаимодействия элементов социальной структуры (общество не бывает бесструктурным и не может прервать взаимодействия внутри собственной структуры). За утверждением об отсутствии социальной политики стоит обычно её антинародный характер, её проведение не в интересах большинства населения.

Абрис содержания социальной политики

Для содержательного раскрытия социальной политики необходимо охарактеризовать процесс взаимодействия социальных групп в нескольких важнейших аспектах:

- *круг реальных участников социальной политики*, то есть определить круг реально действующих и социально пассивных субъектов;
- *состав наиболее влиятельных субъектов* (классов,

социальных групп); решающие параметры их социального положения; их самые важные современные социальные проблемы;

– *место государства в социальной политике;*

– *цели наиболее влиятельных субъектов социальной политики, их стратегии и программные приоритеты;*

– *конкретно-историческое соотношение социальных сил;*

– *сложившиеся устойчивые тенденции и векторы социального развития;*

– *степень социальной устойчивости общества, важнейшие факторы его стабильности и не стабильности* (это проблемы социальной безопасности, устойчивости, стабильности).

Субъекты социальной политики

Социальные группы и социальные общности как структурные части общества (народа) – несомненная реальность (см. *Группы социальные; Общности социальные*). Но они могут действовать или бездействовать, осознавать свои интересы и не осознавать, организовываться для действий в обществе или быть политически не организованными. Словом, они могут быть активными участниками, активно действующими социальными силами (см. *Силы социальные*) и в этом смысле – *реальными субъектами политики вообще и соци-*

альной политики в частности. А могут быть и пассивными неорганизованными участниками социальных процессов и в этом смысле – потенциальными, *формальными* субъектами социальной политики.

Существенно и то, что социальные группы, классы, общности редко действуют непосредственно. Обычно в интересах практического социально-политического действия они создают представляющие их интересы партии, организации, движения, органы и т. п. Субъекты социальной политики общественно организуются, то есть как бы раздваиваются (удваиваются). "Первородные" (первичные) субъекты – это сами группы и общности. Они являются носителями своих интересов (См. *Интересы; Интересы социально-групповые (классовые)*). А вторичные – субъекты-представители первичных субъектов. По форме вторичные субъекты – социальные институты, представляющие интересы социальных групп и социальных общностей (см. *Институты социальные*).

Субъекты социальной политики – это реально самостоятельные (свободные) и притом фактически действующие граждане, социальные группы и социальные общности, а также представляющие их институты, организации и органы власти, реально активно взаимодействующие в социальной сфере, то есть формулирующие, предъявляющие и отстаивающие интересы граждан, социальных групп и социальных общностей в этой сфере (См. *Субъекты социаль-*

ной политики; *Субъекты социальной политики первичные; Субъекты-представители в социальной политике; Институты социальные*).

Особенностью тоталитарного общества времён СССР была монополия на власть номенклатуры (правящей касты). При такой монополии многие субъекты приобретают декоративный (бессодержательный) вид, фактически не являются субъектами, им свойственны пассивность, формальность. Профсоюзы, комсомол, женские советы, местные советы, первичные организации партии власти (КПСС) – много было разных структур. Но действовали они несамостоятельно, исполняли предписанное сверху. И только наверху (на уровне номенклатуры КПСС) реально рассматривались конкретные вопросы и принимались решения.

После революции 1988–1991 гг. Россия пыталась уйти от тоталитаризма к демократии. Если бы это удалось, возникло бы гражданское общество (см. *Гражданское общество*).

Гражданское общество – тип общественного устройства, отличительный признак которого – **реальная много-субъектность** общественной, экономической, социальной, культурной, политической жизни. В гражданском обществе реально действует множество независимых друг от друга субъектов (центров) подготовки, принятия и осуществления решений. Их взаимодействие регулируется законами страны и международными актами.

В наиболее развитом виде гражданское общество суще-

ствует в форме демократии. Диктаторская форма правления существенно деформирует гражданское общество, порождает тенденции и опасность его фашизации. В фашистском (тоталитарном) обществе многосубъектность носит декоративный вид или отсутствует даже формально.

Особенности государства как субъекта социальной политики

В период перехода от тоталитаризма к демократии происходит постепенный отказ от стереотипного (то есть окостеневшего, шаблонного) представления, будто социальная политика – это дело исключительно государства и его органов. Постепенно складывается многосубъектность жизни общества, в том числе и в конкретных её сферах – экономической, социальной, политической и др. Реальных субъектов социальной жизни становится всё больше, происходит их новая группировка, объединение в соответствии с формирующейся новой социальной структурой.

Такова общая логика, магистральная линия развития. А в реальной жизни многосубъектность гражданского общества складывается через борьбу, через эпизоды схваток за власть, за сознание людей, через хитрости и промахи, через крайности. Чем меньше политической культуры, политического опыта взаимоотношений между классами, тем больше крайностей, промахов и оплошностей.

Появление многих реальных субъектов социальной политики не отрицает субъектность государства и не означает умаление роли государственности (такое отрицание и умаление свойственны доктринам либерального фундаментализма). Становление демократии отрицает тоталитарный и диктаторский типы государства, объективно требует укрепления государственности демократического типа. В гражданском обществе многосубъектность социальной политики включает в себя правовое демократическое государство как ключевой компонент.

В отличие от невластных субъектов-представителей (субъектов-институтов), выражающих и обеспечивающих интересы отдельных элементов социальной структуры, властные (государственные и муниципальные) субъекты-институты социальной политики призваны выражать и обеспечивать интересы сохранения и воспроизведения целостности общества, устойчивости (жизнеспособности) его социальной структуры, относительно мирного взаимодействия в обществе социальных сил, нацеленных на противоречащие друг другу интересы.

Государство как субъект социальной политики несколько по-разному устроено и действует в обществах с унитарным и федеративным или конфедеративным или союзным государственным устройством. Различия проистекают из того, что государство может (при федерациях) как бы разделяться внутри себя на разные государственные субъекты (не сле-

дует путать субъекты федерации с государственными федеральными органами – министерствами, ведомствами, округами функционального назначения), а может и складываться на основе совместных действий разных государственных субъектов (при союзах и конфедерациях). А унитарные государства не содержат внутри себя государственных субъектов. Понятно, что множественность государственных субъектов порождает целый круг их особых отношений социально-политического характера (см. *Политика социальная государственная*).

Соотношение социальной политики и государственной социальной политики

Государственная социальная политика – действия государства в социальной сфере, преследующие определённые цели, соотнесенные с конкретно-историческими обстоятельствами, подкрепленные необходимыми организационными и пропагандистскими усилиями, финансовыми ресурсами и рассчитанные на определённые этапные социальные результаты.

В тоталитарном обществе социальная политика сводится практически к монопольным действиям тоталитарного режима в социальной сфере. В демократическом обществе социальная политика представляет собой совместную функцию демократического государства и других субъектов граждан

данского общества. Период перехода от тоталитарного общества к демократическому формирует своеобразную социальную политику переходного периода.

Тоталитарное прошлое укоренило абсолютизм государственной власти в проведении социальной политики при полной пассивности населения в предъявлении прав, осознании интересов, формулировании претензий и требований, в защите своего социального положения. Продвижение к демократии обеспечивается одновременным и согласованным отходом от абсолютизма государственного управления и от пассивности населения. В переходный период постоянно остаётся соблазн и опасность диктаторских методов "наведения демократии", соразмерные гражданскому бездействию населения. Пассивность, неорганизованность, социальная бесструктурность послетоталитарного общества – постоянная питательная основа перекосов социальной политики в сторону политически бесконтрольных и социально безответственных действий государственных властей. Облик и содержание социальной политики в этот период могут определяться властями практически целиком и практически произвольно.

Все зависит, следовательно, от характера государства в переходный период, степени его приверженности интересам страны, народа, от уважения им традиций, достижений, культуры страны, уходящей от тоталитаризма. Реальная возможность проводить практически любую социальную поли-

тику делает остро актуальным **вопрос об исторической ответственности государственных властей** за перемены в социальном положении населения страны в целом и всех составляющих его групп и общностей.

Сведение всего содержания социальной политики к государственной социальной политике имеет, стало быть, историческую причину – привычку мыслить понятиями тоталитарного общества. Такое сведение – распространённый в современной России стереотип мысли (шаблон, грубая прямолинейность, заскорузлость). Он не безобиден.

Социальное целеполагание и целенаправленность социальной политики

Важная содержательная характеристика социальной политики – система целей, которые ставят перед собою активные участники социальной политики (её субъекты). Применительно к социальным взаимодействиям цели суть желательные результаты общественных перемен. Каждая из общностей и социальных групп (классов) **представляет себе** не только своё сложившееся положение в обществе, но и своё реально возможное изменившееся к лучшему положение. Если социальная группа или общность активно общественно действует (является субъектом социальной политики), она осознаёт улучшения своего положения в обществе как цель своих действий. Если социальная группа (или общ-

ность) пассивна, то вместо цели у неё мечта, чаяние, надежда на чудо или на доброго субъекта социальной политики (на государство, например, или на влиятельного деятеля).

В тоталитарном обществе большинство субъектов являются не настоящими, не самостоятельно действующими, декоративными. Реальным субъектом социальной политики является лишь правящая социальная группа (каста), все остальные – разве что объекты социальной политики. И цели, по сути дела, может иметь и ставить только правящая каста.

В демократическом обществе, в отличие от тоталитарного, не может быть ситуации фактической односубъектности. А потому не может быть и ситуации, когда в социальной политике на всех её субъектов одна цель. Каждый из реальных субъектов социальной политики имеет свои цели. Множественность социальных целей – это нормальное и единственно плодотворное состояние для многосубъектного гражданского (демократического) общества.

В демократическом обществе разнообразие целей является первичным свойством, образующим качественную особенность общества. Это вовсе не игнорирует важную для любого общества проблему единства целей, проблему общественной консолидации, проблему так называемой национальной идеи, проблему единой системы ценностей в обществе. Однако в демократическом обществе все эти задачи стоят и решаются иначе, чем в тоталитарном. В демокра-

тическом обществе единство достигается не путем насильственного уничтожения и подавления разнообразия, а путём культивирования общественного взаимодействия, компромисса, объединения социальных сил со сходными целями, демократического противостояния, демократической борьбы. Цели меньшинства так же присутствуют в общественной жизни и в социальной политике, как и цели большинства. И из этого проистекает очень и очень многое и в содержании, и в общественных механизмах осуществления как социальной политики в целом, так и государственной социальной политики.

Социальная политика всегда отчётливо целенаправлена. Целенаправленность выражается в форме стратегии и приоритетов социальной политики (см *Стратегия социальной политики; Приоритеты социальной политики*). Не следует забывать, что стратегия и приоритеты социальной политики не являются монополией государства как субъекта социальной политики. Каждый из активных субъектов социальной политики выстраивает, отстаивает и в меру своего социального влияния проводит свои стратегию и приоритеты социальной политики.

Типы и тенденции социального развития

Конкретно-исторический подход к социальному развитию. Типы состояний общества и типы соци-

альной политики. Социальная политика является сугубо **структурным общественным отношением.** Поэтому для практически плодотворного (конкретно-исторического) её раскрытия исключительно, определяюще важен **учёт её связи с характером общества как целого** (во-первых, с характером общественного устройства, с типом общественного строя, во-вторых, – со спецификой фазы, периода, этапа развития общества).

Типы состояний общества как целостной системы лежат в основе типизации социальной политики в крупном плане и позволяют выделить следующие её типы:

- социальная политика в социально устойчивых обществах (общественных формациях);
- социальная политика в обществах, находящихся в системных кризисах (в революционных ситуациях);
- социальная политика в обществах, находящихся в состоянии деформаций (перманентных кризисах общественной системы);
- социальная политика в обществах, успешно выходящих из системного кризиса путём коренных (революционных) реформ, то есть социальная политика переходного периода.
- социальная политика в обществах, не сумевших успешно решить исторические задачи переходного периода и обрести качественно новое жизнеспособное общественное устройство.

Социальная политика в социально устойчивых об-

ществах (общественных формациях). Общественными формациями называются такие состояния (полосы) общественного развития, когда социальная и хозяйственная структуры воспроизводятся на своей собственной, социально устойчивой основе и сохраняют свою качественную определённость. Это периоды относительно "плавного" развития (*См. Формация общественно-экономическая*).

Особенностями социальной политики в социально устойчивых обществах являются:

стабильный (установившийся, ставший привычным для большинства населения и в основном устойчивый) порядок взаимоотношений важнейших социальных групп (и классов);

образование значительных слоев более или менее удовлетворённых своим общественным положением (в буржуазном обществоведении их часто называют "средним классом");

сбалансированность общеклассовых интересов господствующего класса и интересов его отдельных частей (подчинение интересов частей общеклассовым интересам). В завершенном виде такое подчинение можно наблюдать в форме правового государства в демократическом обществе и особенно в форме социального государства;

налаживание и поддержание системы мирного социального сосуществования господствующих и подчинённых классов;

ослабление чувства социальной несправедливости, сни-

жение уровня массовой распространённости этого чувства в обществе, снижение влияния протестных, реформистских и особенно революционных идеологий, ослабление и упадок рабочего движения, социальных движений, протестных и освободительных движений. Одновременно распространяются идеологии социал-реформистского и социал-партнёрского толка.

В периоды "плавного" социально-экономического развития взаимоотношения господствующих и подчинённых социальных групп и классов, властей и "низов" протекают в относительно мирных и отрегулированных законами формами.

Социальная политика в обществах, находящихся в системных кризисах (в революционных ситуациях). Кризис общественной системы (системный кризис) – это такое состояние общества, когда становится необходимым исторический выбор нового варианта будущего и, как правило, нового общественного устройства (нового типа власти). Развиваться по-старому, по-привычному далее невозможно, потому что имеющиеся власти неспособны поставить новые реалистические цели и наладить эффективные общественные действия для их достижения, а "низы" не желают далее мириться со сложившимися формами жизни. Несоответствие социальных форм жизни новому уровню потребностей и возможностей не просто ощущается, но требует своего преодоления (*См. Революционная ситуация*).

Особенностями социальной политики в обстановке си-

стемного кризиса являются:

активизация общественного сознания во многих социальных группах, обозначение реального многообразия мнений и социально-психологических типов, идеологического многообразия;

нарастание критического отношения к сложившимся социальным порядкам, отчуждённости по отношению к ним;

выявление коренных противоречий существующего общественного устройства, осознание, с одной стороны, необходимости их преодоления, а, с другой, – неспособности существующего государства справиться с этой исторической задачей;

формулирование социально-групповых интересов и требований, формирование (или обновление, привязка к злободневным историческим задачам) социально-групповых идеологий, формирование социально-групповых субъектов-представителей (организаций, движений, партий, политических союзов и коалиций и т. п.);

выдвижение политических и социальных программ, конкретных требований по поводу коренного улучшения социально-экономического положения классов, общностей и многочисленных социальных слоев, то есть по существу требования значительных политических и социальных реформ.

В периоды системных кризисов социально-политические взаимоотношения обостряются. Возникают протестные движения, обозначается противостояние властей и "низов".

"Низы" организуются до такой степени, что готовы на историческое выступление, то есть на демонстрацию своего недовольства властями (не путать с историческим наступлением, суть которого – борьба не только с существующей системой власти, но и за установление новой системы власти).

В периоды системного кризиса власти охотно дают обещания социальных улучшений, которые не в состоянии выполнить. "Низы" некоторое время верят властям. Если власти проводят-таки некоторые социальные улучшения (пусть даже недостаточные и половинчатые), острота кризиса ослабевает и дело не доходит до социальной революции. Основные резервы ослабления системного кризиса для властей – уступки как социального, так и политического характера, идеологические усилия в области массовой пропаганды и – это особенно – слабая организованность "низов" прежде всего из-за отсутствия собственной идеологии, что ведёт к идеологической пассивности и идеологической зависимости "низов" от хорошо отобюрокразированной господствующей идеологии.

Социальная политика в обществах, находящихся в состоянии деформаций (в перманентных кризисах общественной системы). Системный кризис в деформированных обществах протекает существенно иначе, нежели в общественных формациях. Деформирующий фактор – жёсткое давление политической власти на все общественные процессы, "подминание" властями всего общества, устранение реальной многосубъектности, самостоятельности не только

социальных действий, но и самостоятельных общественных мнений, фактическое установление насилия как системы власти – "режима". Насилие может осуществляться в открытую, а может маскироваться популярной фразеологией (например, в СССР тоталитарный режим маскировался социалистической фразеологией) (*См. Деформация общественной системы*).

Придание политическому режиму функций насильственного обеспечения социальной устойчивости общества означает не разрешение системного кризиса, а его "замораживание", консервирование, изъятие из нормального исторического процесса и прогрессивного развития. Деформация делает кризис общественной системы "отложенным", постоянно готовым возобновиться.

Социальная политика в деформированных обществах тоталитарного типа также приобретает деформированный характер. Самостоятельность субъектов (и социальных групп, и субъектов-представителей этих групп) фактически упраздняется, приобретая разве что декоративный характер. Государственная социальная политика остаётся единственным реальным видом социальной политики.

Формой осуществления социальной политики в деформированном обществе является система социальных мер правящего режима. Эти меры проходят обычно несколько стадий созревания и осуществления:

просьбы и жалобы населения;

"несвоевременные" предложения в виде секретных или полусекретных постановок вопросов о мерах;

принятие вопроса к рассмотрению (по формуле: "Вопрос тут есть");

предварительное изучение проблемы и определение "цены вопроса", то есть суммы необходимых государственных затрат;

включение той или иной меры в перечень предназначенных для проведения государством;

объявление о предстоящей мере ("объявленные мероприятия");

постепенное осуществление мероприятия (очерёдность, то есть поэтапность определяется при этом по принципу "сначала то, на что надо меньше затрат", гораздо реже – по принципу остроты нуждаемости).

Социальная политика в обществах, успешно выходящих из системного кризиса путём коренных (революционных) реформ, то есть социальная политика переходного периода. Преодоление системного кризиса всегда происходит в форме революции, суть которой – смена типа власти и коренная перемена общественного устройства. Революция по-разному вызревает в деформированных обществах и в общественных формациях, но если она началась и состоялась, то её принципиальные задачи более или менее сходны. Эти задачи сводятся к необходимости проведения системы революционных реформ, охватывающих все

важнейшие сферы жизни общества и налаживающих качественно новое жизнеспособное общественное устройство в каждой из этих сфер. Переходным периодом называется исторический период, в течение которого происходит переход от прежней устойчивой социальной системы к качественно новой устойчивой социальной системе (*См. Переходный период*).

Система революционных реформ в социальной сфере, в обеспечении основных условий жизнедеятельности населения в целом и его важнейших социальных групп является сутью *социальной политики переходного периода*.

Социальная политика переходного периода – социальная политика, соответствующая переходным состояниям общества. Главная особенность состоит в том, что она формируется в условиях исторической совмещенности процессов коренного обновления как общества, так и государства.

Социальная политика переходного периода отражает обострение борьбы за перемены во всех ключевых условиях формирования социального положения. Обострена борьба за степень эксплуатации, за доступ к политической власти, за передел собственности, за сохранение или понижение уровня жизни и уровня социальной защищенности, за условия труда. Исход этой борьбы определяется соотношением политической силы и политической организованности разных общественных групп (классов). *Тип и направления действий государства настолько существенны при решении ос-*

новых социальных вопросов, что борьба за государственную власть становится центральным пунктом влияния на социальную политику.

Социальная политика в обществах, не сумевших успешно решить исторические задачи переходного периода и обрести качественно новое жизнеспособное общественное устройство. Переходные состояния знаменательны тем, что вариантность развития (реальная возможность разных вариантов будущего для страны) остаётся реальной и актуальной для всего переходного периода. Революционное начало переходного периода ещё не гарантирует успешного его завершения. Переходный период можно считать успешно завершённым тогда, когда создано новое жизнеспособное общественное состояние, включающее и устойчивый жизнеспособный доминирующий хозяйственный уклад, и другие важнейшие составные части (порядки, институты, структуры) качественно нового общественного устройства.

Именно этот критерий успешности переходного периода – формирование качественно нового и притом жизнеспособного общественного строя – выдвигает в центр внимания созидательные задачи послереволюционные реформ, включая и социальные реформы. Соразмерение разрушительных и созидательных задач революции – ключевой вопрос её исторической роли и исторической успешности. Государство, являющееся самым действенным субъектом революционных

преобразований, просто обязано обеспечивать плодотворный баланс разрушительной и созидательной работы революции.

Не всегда это удаётся. Бывает, что разрушения превышают исторически плодотворную меру, а созидательная работа – недостаточна для возникновения и укрепления качественно нового общественного устройства. Так случилось в России в 1990-е годы.

В подобных случаях переходный период как бы иссякает, не завершившись созданием качественно нового жизнеспособного общественного строя. Импульсы революции (ресурс доверия большинства народа власти) ослабевают, затухают. Строительство нового порядка приходится вести не на основаниях послереволюционных реформ, а, как правило, методом государственных программ, включающих и государственную социальную политику.

Может быть научно строго указана коренная причина неудач революционных реформ, незавершённости переходного периода и, вследствие этого, невыхода общества в тот вариант общественного развития, ради которого совершалась революция. Эта коренная причина – неудачная социальная политика, а ещё конкретнее – недостаточная сила социального действия тех классов и социальных групп, которые особенно заинтересованы в этом варианте будущего и в невозврате дореволюционного состояния общества.

В обществе, не сумевшем успешно решить задачи пере-

ходного периода, социальная политика приобретает обычно черты дореволюционной или деформированной. (*См. Революция; Контрреволюция; Реставрация; Деформации общественной системы*).

Функции (основные задачи и дела) социальной политики

В каких бы исторических условиях ни протекала социальная политика, какой бы её исторический тип ни складывался, всегда есть круг более или менее схожих, постоянных, типовых, возобновляющихся проблем, которые и составляют её реальное содержание. Все эти проблемы касаются состояния и потребностей улучшения общественного положения, общественных условий жизни различных социальных групп.

Основной круг функций (то есть главных общественных задач, направлений) социальной политики:

1. Обеспечение социальной устойчивости общества, социальной безопасности общества. Социальная структура может быть разной в разных обществах, она может качественно меняться в истории одного и того же общества в результате революций и революционных реформ. Но она должна обладать свойствами устойчивости и самовозобновляемости (динамичности), иначе данное общество разрушается, приходит в упадок, перестаёт существовать. Социальная структура должна быть настолько устойчивой, чтобы вы-

держат как внутренние, так и внешние опасности её разрушения и вместе с тем выносить в себе перспективу и потенциал качественного обновления путём реформ и революций.

Все ныне существующие общества и современный мировой порядок основаны на принудительном социальном донорстве одних социальных групп и стран в пользу других социальных групп и стран (то есть на эксплуатации). Отношения принудительного социального донорства в корне своём антагонистичны. Проблемы социальной устойчивости в том и состоят, чтобы избежать открытых форм антагонизма, включая войны между странами и гражданские войны.

Господствующие классы накопили исторический опыт силовой консервации антагонизмов, подавления восстаний и революций, запрета и дискредитации освободительных идеологий, движений и партий. Но ими же, особенно в XX веке, накоплен и богатый опыт поддержания социальной безопасности путём компромисса интересов стран и классов, налаживания механизмов социальной направленности антагонистически противоречивых процессов. Примеры известны: социальное рыночное хозяйство, социальное государство, международная помощь слаборазвитым странам и др. Центральным пунктом в таких случаях всегда является крупномасштабное властное (государственное) перераспределение части эффекта в пользу социальных доноров, что и компенсирует (временно блокирует, ослабляет) их потенциальное массовое недовольство социальной несправедли-

востью эксплуататорской системы.

2. Обеспечение политической устойчивости власти.

Такая устойчивость по-разному достигается в обществах разного типа и в разных конкретных исторических условиях, но суть всегда сводится к такому распределению реального участия социальных групп (в том числе классов) и общностей в политических решениях, которое удерживало бы доминирующее влияние во власти того же самого господствующего класса. В противном случае меняются классовый тип власти и становятся неизбежными революционные преобразования. Среди этих преобразований опять-таки приоритетным становится обеспечение политической устойчивости, но уже новой власти.

3. Обеспечение такого распределения власти в хозяйстве (собственности), которое признавалось бы большинством справедливым, не требующим борьбы за передел.

4. Налаживание такой системы распределения экономических ресурсов и экономического эффекта, которая более или менее устраивает подавляющее большинство населения.

От распределения экономических ресурсов в решающей мере зависят материальные условия жизни людей в обществе, возможности решения проблем разных социальных групп. Инвестиции и их структура, уровень и дифференциация доходов, совокупный размер и структура ежегодных социальных расходов, условия и раз-

меры социальной помощи и поддержки – эти и иные экономические параметры имеют социальный смысл и социальное предназначение.

5. Обеспечение обществом и государством необходимого и достаточного уровня экологической безопасности.

6. Обеспечение обществом и государством необходимого и достаточного уровня социальной защищённости как населения в целом, так и каждой из его социальной групп и общностей.

Социальная защищённость – одна из общественных ценностей, объективная положительная социально-психологическая оценка социальными субъектами данного конкретно-исторического общества как жизненной среды. Чувство социальной защищённости возникает и бывает устойчивым, если социальная группа или население в целом осознают, что социальные риски целенаправленно понижаются обществом и государством до степени, когда они не могут существенно нарушить нормальное общественное положение. (*См. Защищённость социальная; Риски социальные; Защита социальная*).

Основные сферы осуществления социальной политики

Социально-политические отношения существуют в обще-

стве не обособленно, а **как общественная форма** всех без исключения хозяйственных, культурных, потребительских процессов. Социальная политика привносит в эти процессы их связанность с разнообразием интересов классов, социальных групп, общностей. К примеру, увязанность экономических процессов с интересами делает их политико-экономическими процессами. В некоторых отраслях хозяйства и сферах отношений влияние (роль, значение) социально-политических отношений особенно существенно и даже является фактором, задающим их качественную определённость. Таковы комплекс отраслей социального хозяйства и социально-трудовая сфера. (См. *Социальное хозяйство; Социально-трудовые отношения*).

Литература. Б.В.Ракитский. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. – М: ИППС, 1998; Б.В.Ракитский. Концепция социальной политики для современной России. М: 2000; Гонтмахер Е.Ш. Социальная политика в России: уроки 90-х. М: 2000; Социальная энциклопедия. М: БРЭ, 2000. Шаталин С.С. Социальные ресурсы и социальная политика. М: 1990; Социальная политика. Учебник (Под общей редакцией Н.А.Волгина). М: 2002; Социальная политика. Толковый Словарь. М: РАГС, 2002; Международные акты о правах человека. Сб. документов. М: Изд. НОРМА, 2000; Ракитский Б.В., Ракитская Г,Я, Мандель М.Д. Социально-трудовые права и сво-

боды: российские и международные принципы, нормы, проблемы. Учебник (по программам высшего классового образования) – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2008

Положение социальное

ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЕ¹⁵ (социально-экономическое положение, общественное положение, положение в обществе) – устойчиво воспроизводимый в данном обществе **тип жизнедеятельности** людей (в том числе тип индивидуальной жизненной судьбы), который формируется совокупностью реально доступных им условий и способов жизнедеятельности и определяет фактические возможности, направленность развития личности и, в конечном счете, – **социальный тип личности**.

Социальное положение – перманентная (постоянная, непрерывная) проблема всех обществ, поскольку они социально-структурны (См. *Структура социальная*). Категория "социальное положение" выработана обществознанием не для того, чтобы просто отмечать и созерцать очевидные различия в жизнедеятельности людей. Эта категория выявляет и фиксирует тот тип и круг различий, которые *существенны* настолько, что делают *разнотипной* жизнедеятельность людей в обществе, социально сгруппировывают людей и формируют объективные предпосылки их солидарных интересов и действий.

Различия социального положения, закономерные для того или иного исторически устойчивого общественного устрой-

¹⁵ Статья написана совместно с Г.Я.Ракитской.

ства, проявляются в качественном типовом системном разнообразии социальных фигур. Так, для рабовладельческого общества характерны рабовладельцы, рабы, пролетарии; для феодализма – помещики, вассалы, бояре, дворяне, смерды, крепостные, холопы; для капитализма – капиталисты, наемные работники, рабочие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.